

Из нового "Разговора с автоответчиком"

Фрагмент из нового "Разговора с автоответчиком" содержит отклик автора книги стихов "Звук и слово" на печатную и сетевую публикацию эссе Феликса Гойхмана "Поэзия Беллы Верниковой глазами мужчины" в журнале "22", № 129 и на сайте журнала. (Первый "Разговор с автоответчиком" см.: Одесский альманах "Дерибасовская — Ришельевская" № 12, 2003, и в сетевой публикации на сайте альманаха www.odessitclub.org.)

* * *

Дорогой наш предполагаемый читатель-автоответчик! Прочти, пожалуйста, мое стихотворение из книги стихов "Звук и слово" (Иерусалим, 1999, с. 25):

* * *

Обычай жить не торопясь
и в чувствах не спешить
нам позволяет утвердить
судеб взаимосвязь.
Есть мужество на то, чтоб ждать,
и смелость на порыв,
и ощущаешь благодать,
себе не изменив.
Я женщина, мне доверять
и, руки опустив, пока окликнут,
путь избрать,
спешащего против.

Трудно представить себе, какие мрачные фантазии позволили поэту Феликсу Гойхману увидеть в этом сдержанном лирическом высказывании сходство с брачным объявлением (см. его эссе по поводу моих стихов, журнал "22", № 129). Что касается рассуждений эссеиста о наименовании *поэтесса*, стоит отметить, что слова *поэт* и *поэтесса* в наши дни в основном утратили оценочную окраску, но память о том, что она существовала, еще живет в русском языке и диктует выбор самоназвания и правомерность словоупотребления. Большинство женщин, работающих в русской поэзии, считают себя поэтами, но определение *поэтесса*

не вызывает сегодня той резкой негативной реакции, какую оно, как известно, вызывало у Ахматовой.

Кстати. Существительные *автор* и *классик* не имеют в русском языке аналогов женского рода (авторша — употребление разговорное, а у *классика* и такого нет), что вовсе не означает, что они не применимы к женщинам.

Я определяю себя словом *поэт*, но соглашаюсь и с определением *поэтесса*, как, например, в статье Юрия Виноградова, помещенной на сайте журнала "ODESSA" (№ 7-8, 1999) — "...тут мне на память приходят строки пребывающей ныне в дальнем зарубежье одесской поэтессы Беллы Верниковой: "...им взрослым без нас на земле оставаться".

Здесь уместно сказать, что к писателям, начинающим литературную работу в одной стране и продолжающим ее в другой, применимо несколько локально-культурных определений. Мы с Феликсом Гойхманом, являясь израильскими писателями, работающими на русском языке, или, в глазах одесских читателей, одесскими поэтами, пребывающими в дальнем зарубежье, остаемся русскими поэтами по языку и культурной традиции. Это означает, что базовые культурные модели и направляющие образцы получены нами из русской поэзии, а не из германоязычной немецкой и английской или романоязычной итальянской и французской поэзии, где подобные модели также присутствуют.

Мы с Феликсом знакомы с 1980-х гг., когда у человека, жившего в СССР и писавшего стихи без "паровозов", не было реальной возможности издать книжку своих стихотворений. За давностью знакомства, если бы мне удалось оторвать женщину от поэта, что не получилось даже у эссеиста, то "как мать и как женщина" я могла бы сказать: "Феликс, эта бодяга, которую ты развел о брачных объявлениях и о своей жене, — в огороде бузина, а в Киеве умница-жена, относится не к моим стихам, а к твоим собственным проблемам". Но неприятие риторики коммунальной кухни, унижающей достоинство отдельно взятой личности, не исчезает с выездом из коммуны, "где чуждые люди с утра и до ночи до жизни твоей в разговорах охочи" (см. "Звук и слово", с. 39-40).

Кстати. Существительное *личность* в русском языке женского рода и не имеет аналога мужского рода, что вовсе не означает, что мужчина не может быть личностью.

Я написала Феликсу Гойхману письмо, которое отправила почтой, а теперь привожу в этом тексте, поскольку оно содержит только отзыв на публикацию и может быть прочитано каждым заинтересованным читателем-автоответчиком.

"Здравствуй, Феликс!

Пишу это письмо в дополнение к нашему телефонному разговору о твоём эссе в присланном тобой журнале "22". Затеянное тобой составление мозаики о русской поэзии, изданной в последние годы в Израиле, дело очень нужное. После распада Союза русское литературное зарубежье значительно расширилось — и те, кто остались в Одессе, и мы, уехавшие в Израиль, как и все, пишущие стихи по-русски в десятках стран ближнего и дальнего зарубежья, остаются русскими поэтами, и публикации, представляющие спектр русской поэзии того или иного региона в таком необязательном (в смысле — свободном от обязательств), но интересном для читателя жанре как эссеистика, заслуживают искренней похвалы.

Теперь о самой публикации. Необязательность эссеистики и то, что ты озаглавил эссе по поводу моих стихов "Поэзия Беллы Верниковой глазами мужчины" кое-как оправдывает сужение твоей трактовки этой поэзии до гендерной проблематики, укладывающейся в придуманную тобой броскую аналогию с брачными объявлениями. Но не надо забывать, что живущие в Израиле русские поэты пишут и о своём еврействе, и об отношении к Израилю — так, моя книга "Звук и слово" открывается разделом "Выжить на выжженном теле земли". Если в Союзе после сталинской репрессивной "борьбы с космополитами" любое упоминание о еврейском происхождении людей, работающих в русской культуре, приобретало негативную окраску, а в критике и литературоведении анализ национальной самоидентификации русского писателя-еврея (или татарина) не пропускаться в печать, не стоит следовать этому канону здесь и сегодня.

Меня порадовала та связь между названием, зрением и слухом, которую ты нашёл в моих стихах "Слепнувший электрик", "Все кажется, что счет утрат" и "Старые названия старых улиц", и которая закреплена самим названием книги "Звук и слово". Ещё ярче эта связь выражена в моём стихотворении (с. 99-100):

Как он знает, какими красками куст
прошуршит вслед человеку,
как мазок добавляет к мазку,
безъязыко знание растворив,
как в пейзаж влетает вселенский мотив
тот художник, ведающий тоску
по гармонии и разрыв миров.
Он асоциален, терпим, здоров.

.....

Иногда костюм,
пока не вышел из моды,
изливает на нас избыточный свет,
взятый мастерами у придорожной природы,
где дороги рискованный цвет
и блестящий свежими красками куст
передают человеку от Бога привет
из первых уст.

Советую тебе в следующих публикациях заканчивать своё эссе подборкой стихов — по 2-3 ярких стихотворения каждого из представленных поэтов, чтобы читатель мог убедиться не только в том, что эссеист умный и остроумный человек, и какая у него чудесная жена, но и в том, какие замечательные стихи написаны теми поэтами, о ком шла речь, — без стихов, которые говорят сами за себя, любая их интерпретация не даёт представления о самой поэзии.

Привет Сусанне, будьте здоровы,

24 ноября 2003 г.
Иерусалим".

Конечно, это письмо написано поэтом, оценившим пронизательность критика там, где она проявлена, и пропустившим мимо ушей придуманный эссеистом "завлекательный ход" про брачные объявления.

Пушкин упомянул о романтизме, когда тот ещё не воспринимался как эпоха в литературе: "Так он писал темно и вяло, что романтизмом мы зовём". Мы знаем, что романтизм не сводится к вялому письму. Как и постмодерн не сводится к стратегии текста, а во многом определяет авторское самочувствие. В эпоху постмодерна нам не грозит печатный донос, а печатное хамство воспринимается как литературные игры и почти не задевает. Поэтому можно спокойно не обращать внимания на то, что твоего внимания не заслуживает, и радоваться тому, что критику удалось сказать что-то новое и существенное о твоих стихах.

Иерусалим